

Правда и истина как ключевые понятия философии истории: к эпистемологической оценке исторических сочинений*

А.Л. Никифоров, Т.Д. Соколова

Статья посвящена анализу эпистемологических оснований оценки статуса истории в качестве научной дисциплины. Для этого авторы выделяют два типа исторических исследований: «чистые» исторические исследования и исследования «исторической памяти», а также рассматривают различные подходы к интерпретации понятия «истина» применительно к историческим исследованиям разного типа и выявляются связанные с ними затруднения, касающиеся «объективности» описания историками событий прошлого. Отталкиваясь от тезиса Франка Анкерсмита о невозможности оценки исторических нарративов с точки зрения их истинностного значения, авторы фиксируют ограничение корреспондентной теории истины в качестве обоснования научного статуса истории. В центре внимания статьи находятся два ключевых теоретических момента: альтернативные эпистемологические обоснования научного статуса истории и влияние коллективной исторической памяти на результаты исследовательской деятельности историка. Делается вывод о неправомерности использования понятия «правда» в качестве эпистемологического обоснования научного статуса истории и отмечается, что исследования коллективной и исторической памяти относятся к сфере междисциплинарных исследований, а потому совмещают метод «чистой» истории с методологическими подходами других гуманитарных дисциплин. С одной стороны, это позволяет исследователям коллективной исторической памяти выявлять такие аспекты «функционирования» истории в обществе, которые значимы для «чистой» истории. С другой стороны, методологический плюрализм ведет к размыванию собственно «исторической» части исследования и ставит под сомнение позицию историка как ученого.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: историческая память, историческая наука, истина, корреспондентная теория истины.

НИКИФОРОВ Александр Леонидович — доктор философских наук, главный научный сотрудник сектора социальной эпистемологии, Институт философии РАН, Москва.

nikiforov_first@mail.ru

СОКОЛОВА Татьяна Дмитриевна — кандидат философских наук, научный сотрудник сектора социальной эпистемологии, Институт философии РАН, Москва.

sokolovad@gmail.com

Статья поступила в редакцию 15 июля 2018 г.

Цитирование: Никифоров А.Л., Соколова Т.Д. Правда и истина как ключевые понятия философии истории: к эпистемологической оценке исторических сочинений // Вопросы философии. 2018. № 12. С. 81–85.

* Исследование А.Л. Никифорова подготовлено при поддержке РФФИ, проект № 17-29-09178 «Анализ языка и междисциплинарность». Исследование Т.Д. Соколовой подготовлено при поддержке РФФИ, проект № 18-011-00980 «Социальная эволюция» и «прогресс» как категории номотетического познания».

Профессиональные исторические исследования зачастую преподносятся в качестве описания того или иного события или исторического периода таким, каким он был *на самом деле*, т.е. истинного и объективного описания. В отличие от воспоминаний очевидцев или участников событий, а также авторов журналистских статей, которые могли привнести свои когнитивные искажения и оценочные суждения в рассказ, профессиональный историк, опираясь на различные источники, анализируя и критикуя их, сравнивая и подвергая сомнению материал, с которым он работает, воссоздает максимально возможно точную и четкую картину действительности, лакуны в которой обусловлены отсутствием заслуживающих доверия источников, а также добросовестно отмечены исследователем в качестве таковых. Такая позиция предполагает, что исследователь, если он руководствуется принципами добросовестного научного поиска (а здесь мы рассматриваем именно добросовестного исследователя), выносит за скобки свои политические или идеологические убеждения, личные предпочтения, симпатии и антипатии и именно поэтому его версия событий может рассматриваться как истинная. Обозначим этот взгляд на работу историка как «чистая» история.

Этой концепции исторической науки противопоставляется концепция коллективной исторической памяти – относительно новая академическая дисциплина, предмет которой с трудом поддается четкому и однозначному определению: «Коллективная память – это не история, хотя иногда и опирается на источники. Это коллективный феномен, но проявляется он исключительно в действиях и высказываниях отдельных людей. Она может касаться исторически и социально отдаленных событий, но при этом отвечать на запросы современности. Она является в той же мере результатом сознательной манипуляции, сколь и бессознательного усвоения, и всегда опосредована. Она поддается наблюдению не напрямую, а скорее по своим последствиям, нежели свойствам. По сути, исследования коллективной памяти представляют собой новый подход к исследованию “самого что ни на есть неуловимого феномена – *народного сознания*”» [Kansteiner 2002, 180].

Создавая описание событий прошлого, историк опирается на следы этих событий, сохранившиеся в настоящем: на летописи и хроники, на записки современников описываемых событий, на данные археологии и астрономии. Совокупность сохранившихся свидетельств – это объективная материальная база для любого исторического исследования. Однако уже здесь возможны расхождения между историками по поводу истолкования и оценки тех или иных источников. В дальнейшем же эти расхождения лишь возрастают. Для своего описания историк вынужден производить отбор фактов, руководствуясь представлениями об их значимости, он включает в свое описание лишь те из них, которые считает важными и существенными. Включать ли в описание Полтавской битвы тот факт, что шведский король Карл XII накануне был ранен шальной пулей и поручил командование армией фельдмаршалу Реншильду? Один историк может счесть этот факт важным и уделить ему много места в своем описании. Другой сочтет его настолько несущественным, что даже не упомянет о нем.

Наконец, историк должен представить последовательное повествование, следовательно, должен связать отобранные факты, показать, как одни события порождали последующие события, т.е. он вынужден устанавливать что-то подобное причинно-следственным связям между теми событиями, которые описывает. Однако расхождения между разными историками могут быть весьма значительными. Скажем, до сих пор в нашей исторической литературе идет спор о том, что явилось непосредственной причиной или предпосылкой начала Второй мировой войны – так называемый пакт Молотова – Риббентропа или соглашение в Мюнхене, отдавшее Германии Судетскую область Чехословакии? Ко всему этому следует добавить еще и то, что историк в своем описании практически никогда не может удержаться от использования оценочных понятий, в которых выражается его личное отношение к описываемым событиям.

Эти факторы (наряду со множеством других), оказывающие влияние на конструирование исторических описаний, делают весьма разными описания одних и тех же событий прошлого разными профессиональными историками. Сторонник нарративной истории Франк Анкерсмит пишет: «...можно показать, что понятия “истинность

и/или ложность нарративов” лишены смысла» [Анкерсмит 2003, 14], т.е. понятие истины бессмысленно использовать для эпистемологической оценки исторических исследований, по крайней мере, определенного жанра.

Данная позиция (равно как и аналогичные ей), на первый взгляд, релятивизируют работу историка: борьба различных нарративов и интерпретаций приходит на смену поиску истины – описанию события максимально таким, каким оно было на самом деле. «Чистая» история, которая во главу угла ставит факты, а потому рассчитывает на истинное описание событий прошлого, вынужденно опирается на корреспондентную теорию истины. Однако установление фактов и их описание в хронологической последовательности, даже если добавить к ним интерпретацию, становится уже недостаточным для работы историка, так как ограничено рамками той же самой корреспондентной теории, лежащей в их основе. И критерий истинности (в значении корреспондентной теории) уступает место прагматистскому критерию лучшей интерпретации. В качестве естественного ограничителя свободы интерпретаций в работе историка становятся доказанные эмпирические факты (этого не отрицает и Анкерсмит). Базис, на который опираются историки в своих реконструкциях прошлого, приблизительно один и тот же для всех – находки археологов, данные астрономии (затмения Луны и Солнца, вспышки сверхновых звезд), сохранившиеся сооружения, рукописи и иные документы. Этот материал в значительной мере ограничивает произвол историка.

Задача описать события прошлого так, чтобы описание максимально и в деталях соответствовало произошедшему событию, – одна из главных задач истории, сформулированная американским философом истории Артуром Данто: «Я могу сказать, что минимальная задача историка состоит в том, чтобы дать истинное описание событий *своего* прошлого» [Данто 2002, 32]. Уважительное отношение историка к фактологической базе своего исследования входит в кодекс правил любого добросовестного ученого, посвятившего себя изучению прошлого. И именно на нем на протяжении долгого времени развития истории как академической дисциплины базировался статус ее научности. Но соответствие описания некоторого события прошлого самому этому событию таким образом установить невозможно, так как его нет в настоящем, от него остались лишь следы. Если прошлого уже не существует, а историку остается работать только с его следами, часто крайне ограниченными и неоднозначными, то сравнение различных вариантов уже не описаний, но интерпретаций событий прошлого вполне может обосновать свой научный статус, апеллируя не к корреспондентной теории истины, а к обоснованности методологии той или иной дисциплины, которая была взята за основу. И к этому, в частности, прибегают как нарративные историки, так и исследователи коллективной исторической памяти.

Если классическое понимание истины в историческом познании столь сильно ограничено в применении, то его место должно занять другое эпистемологическое понятие или иная концепция истины? Некоторые историки и философы истории предлагают заменить понятие истины применительно к исторической науке на понятие «правда». Основной проблемой здесь становится то, что это понятие обычно используется в несколько расплывчатом, неясном смысле. Не попробовать ли придать ему несколько более точный смысл?

Рассказ историка о прошлом событии можно назвать правдивым, если он не противоречит сохранившимся данным об этом событии или, усиливая этот тезис, если он согласуется с имеющимися данными. Соответствие имеющимся данным – это то, что правда заимствует у истины, в чем она похожа на истину: мы не можем говорить о соответствии исторического описания своему предмету, ибо предмета нет, но можем говорить о соответствии тому, что доступно, что имеется в настоящем – письменным источникам и материальным свидетельствам. Эта характеристика правдивого описания позволяет нам отделить добросовестный труд историка от «лживых» образов прошлого, создаваемых по политическим или идеологическим соображениям. Такого типа описание становится практически неотличимым от обозначенного нами ограничения корреспондентной теории истины в исторической науке, а потому его введение теряет всякий смысл. Оценочная нагруженность понятия «правда», мало того что не входит в

сферу эпистемологического обоснования научного статуса истории, но еще больше ставит историка в зависимость от искажений, внесенных коллективной исторической памятью его современников, в которой заложены не только события и их интерпретации, но и оценки данных событий и интерпретаций.

Место «чистой» истории, стремящейся описать прошлое таким, каким оно было на самом деле, и обосновывающей свой научный статус, опираясь на корреспондентную теорию истины, в современной исторической науке весьма ограничено. На наш взгляд, эпистемологическое обоснование научного статуса исторических исследований нового типа стоит искать скорее в сфере используемых ими методологий, нежели в попытке рационально обосновать оценочные суждения.

Источники – Primary Sources in Russians Translations

Анкерсмит 2003 – *Анкерсмит Ф.* Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М.: Идея-Пресс, 2003 [Ankersmit, Frank *Narrative logic. A semantic analysis of the historian's language*, Russian Translation].

Данто 2002 – *Данто А.* Аналитическая философия истории. М.: Идея-Пресс, 2002 [Danto, Arthur *Analytical philosophy of history*, Russian Translation].

Voprosy Filosofii. 2018. Vol. 12. P. 81–85

Verity and Truth as a Key Concepts of the Philosophy of History: Epistemological Evaluation of Historical Works*

Alexander L. Nikiforov, Tatiana D. Sokolova

The article is devoted to the analysis of epistemological grounds for assessing the status of history as a scientific discipline. To this end, authors distinguish two types of historical research: “pure” historical studies and studies of “historical memory”, and also consider different approaches to the interpretation of the concept of “truth” as applied to historical studies of different types and identify the related difficulties, concerning the “objectivity” of historians describing the events of the past. Starting from the thesis of Frank Ankersmit about the impossibility of evaluating historical narratives from the point of their truth-value, the authors fix the limitation of the correspondent theory of truth as a justification for the scientific status of history. Two key theoretical points remain in the focus of the article: alternative epistemological justifications for the scientific status of history and the impact of collective historical memory on the results of the historian’s research activities. A conclusion is made about the illegitimacy of using the concept of Verity as an epistemological justification for the scientific status of history and it is noted that the research of collective and historical memory belongs to the sphere of interdisciplinary research, and therefore combines the method of “pure” history with the methodological approaches of other humanitarian disciplines. On the one hand, this allows researchers of collective historical memory to identify such aspects of the “functioning” of history in society that are significant to “pure” history. On the other hand, methodological pluralism leads to dissipation of the “historical” part of the investigation and puts in doubt scientific status of a historian.

KEY WORDS: historical memory, historical science, truth, correspondent theory of truth.

NIKIFOROV Alexander L. – DSc in Philosophy, Main Research Fellow at the Department of Social epistemology, RAS Institute of Philosophy, Moscow.

nikiforov_first@mail.ru

* Nikiforov A.L. – The study was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research, project № 17-29-09178 “Language Analysis and Interdisciplinarity”. Sokolova T.D. – The study was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research, project № 18-011-00980 “The social evolution and progress in the social philosophy: the interdisciplinary synthesis”.

SOKOLOVA Tatiana D. – CSc in Philosophy, researcher at the Department of Social epistemology, RAS Institute of Philosophy, Moscow.

sokolovatd@gmail.com

Received at July 15, 2018.

Citation: Nikiforov, Alexander L., Sokolova, Tatiana D. (2018) ‘Verity and Truth as a Key Concepts of the Philosophy of History: Epistemological Evaluation of Historical Works’, *Voprosy Filosofii*, Vol. 12 (2018), pp. 81–85.

DOI: 10.31857/S004287440002588-1

References

Kansteiner, Wulf (2002) ‘Finding Meaning in Memory: A Methodological Critique of Collective Memory Studies’, *History and Theory*, 41, 2, pp. 179–197.